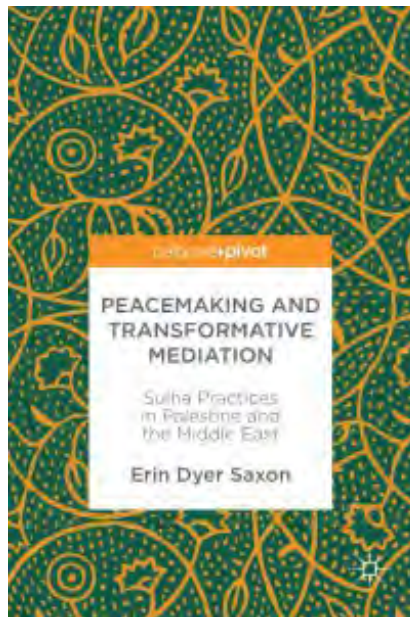

РЕЦЕНЗИИ

Erin Dyer Saxon.
PEACEMAKING AND TRANSFORMATIVE MEDIATION.
SULHA PRACTICES IN PALESTINE AND THE MIDDLE EAST.
Palgrave Macmillan, 2018. — 161 p.

Николай Гордийчук¹

Современную медиацию часто сравнивают с традиционными, общинными способами урегулирования конфликтов, существовавшими с незапамятных времен и по сути предшествовавшими формированию современной судебно-правовой системы. Вопрос о сходстве и различиях между современной медиацией и такими примирительными практиками как, например, сульха в арабском мире или маслат на Северном Кавказе, важен и с точки зрения развития медиативной практики в социокультурном контексте не-западных обществ. При этом возникает и немало

¹ © Н.В. Гордийчук, 2017.

недоразумений: люди, занимающиеся разного рода неформальным урегулированием споров, узнав о «новомодном» явлении — медиации, но не пройдя специального обучения и зачастую не понимая особенности этого метода, начинают называть себя медиаторами, создавая таким образом терминологическую путаницу. В свою очередь и некоторые медиаторы, стремясь наделить собственную практику авторитетом многовекового опыта, чуть ли не отождествляют современную медиацию с традиционными примирительными практиками, начиная рассуждать, к примеру, даже о медиации в древней Руси.

Несмотря на огромный корпус работ по юридической антропологии, посвященных традиционным способам разрешения конфликтов в различных частях света (среди аборигенов Австралии и Новой Зеландии, в Центральной Африке, в племенах американских индейцев и на Ближнем Востоке и т.д.), исследования, ставящие своей целью непосредственно сравнение современной медиации и традиционного разрешения споров, довольно редки. Именно такой работой является монография американской исследовательницы Эрин Дайер Сэксон «Миротворчество и трансформативная медиация. Практика *сульха* в Палестине и на Ближнем Востоке». Автор, сама будучи медиатором в трансформативном подходе, разработанном Дж. Фолджером и Б. Бушем, сравнивает его с традиционной арабской процедурой *сульха* на основе полевой работы, проведенной в Палестине. Сэксон формулирует задачу своего исследования следующим образом: «изучить то, в какой степени не-западные подходы к конфликту в условиях политически разделенного общества коррелируют с трансформативным подходом к конфликту и его реляционными идеологическими предпосылками» (с. 3).

Книга представляет собой переработанный вариант диссертации и обладает четкой прозрачной структурой, характерной для данного академического жанра. В первой главе задается предмет исследования, формулируются его основные проблемы и дается описание исследовательского метода. Сэксон задается тремя основными вопросами: 1) Может ли трансформативный подход стать эффективной теорией и практикой в палестинском контексте? 2) Что в подходах к разрешению конфликта в палестинском контексте хорошо сочетается с теорией и практикой трансформативной медиации? 3) Как элементы социальных интеракций, очевидные в палестинском опыте урегулирования, остаются не затронутыми в трансформативной модели? И какие особенности местной культуры выходят за рамки понимания западной системы референций? (с. 5)

Свое полевое исследование Сэксон проводила в Вифлееме, где она сделала серию полуструктурированных интервью с практиками традиционной арабской примирительной процедуры *сульха*. Важно напомнить, что священный для христиан город расположен на Западном берегу реки Иордан и находится под контролем Палестинской национальной администрации. При этом до 20% населения города составляют арабы-христиане (христианство исповедовали и несколько опрошенных участников исследования). В ходе интервью им задавались вопросы, направленные на прояснение того, как они понимают собственную деятельность и на какие идеологические предпосылки опираются:

- 1) Чего вы стремитесь достигнуть в медиации?
- 2) Можете ли вы описать пример «успеха»?
- 3) Можете ли вы описать пример «неудачи»?
- 4) Чего, по вашему мнению, люди добиваются и хотят получить а) во время конфликта? б) в ходе медиации? в) от вас? г) друг от друга?
- 5) Чего, по вашему мнению, люди не хотят и стремятся избежать?
- 6) Как вы определяете, были ли ваши действия в ходе разрешения спора компетентными?
- 7) Чего вы стараетесь избегать?
- 8) Как вы узнаете, не совершили ли вы ошибку в ходе медиации?
- 9) Как оккупация [палестинских территорий] влияет на вашу работу?

Во второй главе автор кратко знакомит читателей с теоретическими основами медиации, как она понимается в западных странах, и кратко рассказывает об истории развития медиации. Вслед за другими медиаторами и исследователями, ориентированными на трансформативный подход, она уделяет большое внимание проблеме идеологических оснований, на которые опирается в своей деятельности медиатор. В этой главе она подробно описывает и противопоставляет друг другу реляционную идеологию, на которой основана трансформативная медиация, и так называемую «органическую идеологию», ориентированную на ценности коллективизма, избегание конфликтов и поддержание благополучия в сообществе.

В третьей главе рассматривается влияние культурных различий на практики разрешения конфликтов – как в общетеоретическом ключе, так и в ближневосточном контексте. В целом дается описание традиционных примирительных процедур на Ближнем Востоке, проводится анализ роли ислама в них, рассказывается о функциях посредника в урегулировании, а также детально описана структура процедуры *сульха*. Эта примирительная процедура в традиционном арабском обществе долгое время играла важную роль как инструмент преодоления кровной мести. Процесс можно условно разделить на пять этапов. В общем виде он выглядит следующим образом. Сначала сторона-обидчик должна выразить свое раскаяние в совершенном и предложить пострадавшей стороне примирение. На втором этапе формируется группа посредников (*јаһа*). Посредники обсуждают с пострадавшей стороной период перемирия, в течение которого та откажется от попыток отомстить обидчикам (*hudne*). Иногда на этом этапе может браться денежный залог (*'atwe*) в качестве гарантии, что перемирие будет соблюдаться. После этого между двумя сторонами начинаются переговоры по поиску приемлемого решения (при этом они не встречаются друг с другом лично, общаясь исключительно через посредников). На завершающей стадии между враждующими сторонами происходит публичная и торжественная процедура примирения, знаменующая восстановление нормальных мирных отношений между ними. В присутствии многочисленных свидетелей подписывается соглашение, а в случае серьезных преступлений осуществляется выплата оговоренной суммы в качестве компенсации (с. 37).

Четвертая глава посвящена краткой истории применения *сульхи* в палестинском регионе со времен зарождения ислама и до современного периода, включая события первой (1987-1994) и второй интифады (2000-2005). Также в главе

рассказывается об истории центра медиации Wi'am в Вифлееме, на базе которого проводилось полевое исследование.

В следующей, пятой главе содержится пересказ девяти подробных интервью, взятых у палестинских миротворцев. Все они — мужчины зрелого или пожилого возраста, среди них есть люди разного социального происхождения (беженцы, юристы, политики, бизнесмены, учителя), мусульмане и христиане, многие из которых провели по несколько лет в израильской тюрьме. Конфликты, в разрешении которых они участвуют, касаются земельных и имущественных отношений, семейных разногласий (в первую очередь браки и разводы), а также уголовных преступлений, в том числе таких серьезных, как убийство.

В шестой главе предлагается теоретический анализ результатов полевого исследования, рассматриваются взгляды опрошенных участников на природу человека и конфликта, их ценности и представления о целях собственной деятельности. Обсуждается влияние социальных институтов на поведение участников конфликта, делаются выводы о том, как ситуация затяжного конфликта с Израилем на макроуровне влияет на характер протекания и разрешения межличностных конфликтов в палестинском обществе.

Седьмая глава посвящена сравнению посреднической практики в Вифлееме и трансформативной медиации, между которыми, конечно же, оказывается множество различий. Для посредников Wi'am важной ценностью является поддержание нравственных и религиозных ценностей своего сообщества, они оперируют такими понятиями как честь, стыд, достоинство и социальное положение. Сохранение собственной культурной и политической идентичности перед лицом внешней угрозы со стороны Израиля является для этих людей важным смыслом, которые они вкладывают в свою деятельность по разрешению споров. Любой конфликт рассматривается ими негативно, так как он способен подорвать единство внутри палестинского общества и ослабить его. В то же время доверие к посреднику при разрешении конфликта основано на том положении, которое он занимает в обществе. Посредник часто бывает знаком лично с участниками конфликтов и пользуется их доверием благодаря этому обстоятельству и своим личным качествам честности, добросердечия и мудрости. Он не обязан оставаться нейтральным, если видит несправедливость и считает, что она должна быть устранена. В этом случае, пользуясь своим авторитетом, палестинский медиатор будет убеждать провинившуюся сторону принять то решение, которое он считает правильным. В процессе *сульки* важную роль также играют ритуалы, выполняемые сторонами с целью примирения.

Формулируя результаты проведенного исследования в заключительной, восьмой главе, Сэксон констатирует, что «характеристики, присущие палестинской сульхе, в значительной степени противоречат практике трансформативной медиации» (с. 126). В представлениях и практиках палестинских медиаторов интересы коллектива важнее индивидуальных, значительную роль играют традиционные правила и порядки, конфликт считается неестественным и опасным явлением, а задача примирительной процедуры сводится к восстановлению социального по-

рядка. Ожидания от медиатора продиктованы патриархальными ценностями, и в практическом отношении он удерживает высокую степень контроля как над процедурным, так и над содержательным аспектом урегулирования спора (с. 126). Такое положение дел полностью противоречит ценностям трансформативного подхода, направленного на поддержание участников медиации в процессе их самоопределения, наделения их силой и способностью к взаимному признанию, а также недирективность как центральный принцип в работе медиатора. Тем не менее у трансформативной медиации, по мнению автора книги, в палестинском обществе есть потенциал для развития, но она не должна пытаться заменить институт *сульхи* или преобразовать его на основе собственных ценностей и моделей вмешательства, а дополнить его (с. 138).

Для российского сообщества медиаторов проведенное Сэксон исследование может быть весьма актуальным и полезным, учитывая возникший в последние несколько лет интерес к применению медиации как инструмента в работе с межэтническими конфликтами и как инструмент неформального правосудия в этнических сообществах. Попытку исследовать сходства и различия между традиционными примирительными практиками у кавказских народов и «медиативным подходом», разработанным Центром медиации и права, предпринимает Алексей Иванов в статье «Примирение на Кавказе в сравнении с медиативным подходом» (с. 83-98 в этом выпуске «Бюллетеня Федерального института медиации»). Также в 2017 г. был создан «Центр этномедиации», одной из целей которого является интеграция медиативных технологий в систему разрешения межэтнических конфликтов, адаптации трудовых мигрантов и в практики неформального разрешения споров у различных этнических групп, проживающих в России.